

18+

Рабадан Багдаев

Хроники Энвара

Рабадан Багдаев

Хроники Энвара

«Издательские решения»

Багдаев Р.

Хроники Энвара / Р. Багдаев — «Издательские решения»,

Встреча главного героя Адама Гераева с попутчиком в купе оборачивается подлинным переломом в его судьбе. Атмосфера беседы пропитана щемящей тревогой и обнаженными экзистенциальными страхами. Его собеседник — юноша с аутизмом — потрясает Адама своей неординарной, обнаженной интеллектуальной проницательностью. Произведение пронизано тончайшим психологизмом и глубокими философскими размышлениями. Оно наверняка придется по душе читателю, стремящемуся постичь истинную природу человеческой души.

© Багдаев Р.

© Издательские решения

Содержание

Встреча со странным человеком по имени Энвар	6
Хроники Энвара	8
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Хроники Энвара

Рабадан Багдаев

© Рабадан Багдаев, 2026

ISBN 978-5-0070-6181-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Как вы живете, я не знаю. Но вы живете, как жил я, как живут все, большей частью во мраке и в разладе с собой, ради какой-то цели, какой-то обязанности, какой-то задачи. Так живут почти все люди, этим болен весь мир, от этого он и погибнет. Но иногда, например, когда вы танцуете, задача или обязанность у вас пропадает, и вы живете вдруг совершенно иначе. У вас появляется вдруг такое чувство, будто вы один в мире или можете завтра умереть, и тогда наружу выходит все, что вы действительно собой представляете. Когда вы танцуете, вы заражаете этим других. Вот ваша тайна.

«Клейн и Вагнер» Герман Гессе

Встреча со странным человеком по имени Энвар

Вечерний поезд, словно вестник грядущих перемен, уносил Адама Гераева, преподавателя социологии. В окне, освещенном изнутри теплым светом, проступал его одинокий силуэт, чьи мысли, подобно мелькающим огням города, блуждали на перепутье. Темные волосы с сединой по бокам и усталые голубые глаза сорокалетнего профессора мелькали в окне медленно движущегося поезда. В пустом купе, с сумкой, затерянной под сиденьем, он ждал. Но чего именно, знал лишь ветер, гулявший за окном. Огни, летящие мимо, напоминали далекие звезды, манящие к таинственному диалогу. Диалогу с самим собой или с безмолвной пустотой, готовой выслушать все его невысказанные страхи и несбывшиеся мечты.

Поезд набирал скорость, пейзаж за окном расплывался. Адам откинулся на спинку, прикрыл глаза. Мысли роились, непрошенные гости, от которых сердце билось чаще. Преподавание, исследования, рутина — всё это стало чуждым той жизни, о которой он когда-то грезил. Мечты, как огни за стеклом, теперь казались далеким мерцанием, тающим при попытке взглянуть.

Он вспоминал молодость, полную энтузиазма, жажды изменить мир. Хотелось верить: его лекции, знания смогут повлиять на умы студентов, посеять зерна критического мышления. Но годы шли, а мир, казалось, становился лишь более замкнутым и предсказуемым. Давление академической среды, необходимость постоянно доказывать свою состоятельность давили на него тяжелым грузом.

От рутины и постоянства ему стало так тоскливо и противно, что однажды он просто собрал в сумку всё необходимое, написал заявление на личный отпуск, отправил его по почте и рванул на вокзал. На этом поезде он пустился в бегство, но пока и сам не знал куда и зачем. «Почему?» — спрашивал он себя.

Звук открывающейся двери купе неожиданно вырвал его из размышлений. В купе вошёл молодой человек в потрёпанном сером пальто, с чёрной кожаной сумкой на плече. Тёмные взлохмаченные волосы и пронизательный взгляд за стёклами очков выдавали ум и внутреннюю силу. Незнакомец казался неуклюжим, и Адам привстал, помогая ему уложить сумку на верхнюю полку. Тот поблагодарил его, повесил пальто на вешалку и тоже уставился в окно. К тому времени поезд уже выехал за город. Наступило тягостное молчание.

В каждом его жесте и движении чувствовалась особая, только ему свойственная логика. Неуклюжесть казалась не просто неуклюжестью, а скорее проистекала из иного восприятия пространства и собственного тела. Когда молодой человек наконец сел напротив, Адам заметил, что тот избегает прямого взгляда, но при этом внимательно, будто сканируя, оглядывает купе.

Тишину нарушал только мерный стук колёс. Она казалась особенно напряжённой. Адам пытался понять, что же такого особенного в этом человеке, что так его смутило. Внезапно пришло осознание, словно пазл сложился в единую картину. Это было не просто «странно», а нечто глубоко иное, отличающееся от привычного. И тогда его осенило: этот молодой человек — аутист.

Адам осторожно заговорил, стараясь говорить медленно и чётко, простыми словами. К его удивлению, молодой человек ответил. Голос был ровным, почти монотонным, лишённым интонаций. Но в словах чувствовалась глубокая мысль.

«Мы все пассажиры. Едем по колее жизни, то сбиваемся с пути, то меняем направление. Но главное — не бояться сойти на неизвестной станции, если чувствуешь, что это твой шанс». Адам кивнул. Это звучало как приглашение, хотя он пока не понимал, к чему.

«Кстати, меня зовут Энвар», — представился молодой человек и пожал руку Адаму. Незнакомец продолжил: «Знаете, я шёл по жизни в поисках слушателя. Пока не встретил вас

в этом поезде. Я... я давно искал кого-то, с кем можно поговорить». Внутри у Адама вдруг всё затрепетало. Было в этом молодом человеке что-то, заставляющее его слушать.

«И если вы мне разрешите, я хотел бы вам кое-что рассказать о себе. Вернее, это даже не рассказ, а исповедь, если хотите».

«Я не против, всё равно нам сутки ехать, а может, и больше», — сказал Адам. Он удобно облокотился на спинку сиденья, закинув ногу на ногу.

«О, спасибо за разрешение. Можно я вас угощу? Это меньшее, что я могу сделать для того, кто согласился меня выслушать. В этом суетливом мире редкий человек согласится выслушать, все любят говорить», — произнёс молодой человек. Он поднялся и спустил сумку с верхней полки. Вытащил термос и сэндвичи с курицей из пластиковой коробки. Всё это расположив на столе, он налил горячий напиток по кружкам, наполнив ароматом кофе всё помещение купе. Это навеяло Адаму воспоминание о детстве, когда мама каждое утро наливала ему этот напиток перед школой.

Приготовившись к долгому разговору, отхлебнув какао и удобно устроившись напротив, Энвар начал свой рассказ, или исповедь, как он называл.

«Мне кажется, что я заблудился, потерялся в лабиринте своей жизни. Отчаяние... оно не покидало меня долгое время. Чувство собственной ничтожности перед судьбой, перед хаосом... это разрушило во мне что-то важное. И тогда, в этой пустоте, появилась мысль... мысль о том, что всё может быть иначе. А знаете, почему вы меня сейчас слушаете? Судьба или случайность. Я и сам не знаю, но это вовсе не важно. Мне просто нужно, чтобы вы выслушали меня. А теперь с начала».

Хроники Энвара

Я родился в небольшом приморском городке на юге. Там всегда было много солнца, а море своим шумом будто дарило каждому дню тишину и спокойствие. Я рос не таким, как остальные дети. Хотя, пожалуй, точнее всех это понимала моя мама. Она говорила: «Энвер, ты особенный», — и крепко вела меня за руку по улице, пока прохожие смотрели в мою сторону: кто-то с доброй улыбкой, кто-то с жалостью.

Мама сжимала мою ладонь и снова и снова повторяла: «Не обращай на них внимания. Ты особенный». Однажды мы вместе пришли к врачу. Я остался в коридоре и через стекло видел, как он разговаривает с мамой. Потом она заплакала. Я сразу открыл дверь и побежал к ней, прижался к ней, обхватив её ногу. Позже я узнал свой диагноз — аутизм, синдром Аспергера. Моя неуклюжая походка сразу привлекала чужие взгляды. Но мама даже в слезах видела во мне не недостаток, а особую, другую силу. Она часто повторяла: «Ты не такой, как все, и они просто не умеют этого понять».

Мама работала в кафе и часто забирала меня туда с собой. Это было уютное, тихое место, где негромко играл джаз. Саксофон и пианино наполняли собой всё маленькое кафе на углу. Я ел бисквитные пирожные и смотрел в окно. А внутри у меня звучала музыка, и мысли медленно текли одна за другой. Мама очень старалась разобраться в моём мире. Она учила меня словам, но ещё чаще — показывала всё своим примером. Любая моя маленькая победа приносила ей огромную радость, а каждый новый шаг был для неё настоящим доказательством моей силы. Она научила меня не бояться просить о помощи, но при этом не позволяла сдаваться. Между нами появился свой особый язык — из жестов, взглядов и тихого понимания, которое было только у нас двоих.

Моя юность прошла в попытках найти своё место. Школа была испытанием: шумные классы, переменчивые настроения учителей, социальные игры, которые мне были незнакомы. Иногда я чувствовал себя одиноким, словно я — чужой на празднике жизни. Но где-то глубоко внутри, в тишине моего внутреннего мира, я знал, что у меня есть цель. Я верил, что моя особенность — это не приговор, а возможность увидеть мир под другим углом.

Солнце над моим родным городом продолжало светить так же ярко, а прибор — успокаивать. Я учился жить в этом мире, находить свою гармонию, строить мосты к другим людям. Мой путь был не прямым, но он был моим. И каждый день, глядя на море, я вспоминал слова мамы: «Ты особенный». И это стало моим самым большим сокровищем.

Сверстники меня дразнили. Вы спрашиваете, почему мама не отдала меня в специализированную школу? Наверное, она хотела, чтобы я не чувствовал себя изгоем. Когда она впервые привела меня в школу, директор сказал ей: «Этот мальчик нуждается в специализированной школе. Ему здесь будет трудно, и к тому же он не будет успевать за другими». «Об этом не беспокойтесь, он у меня умный».

«Но ведь ему будет тяжело адаптироваться в обычном классе, среди детей, которые не понимают его особенностей», — настаивал директор, пытаясь донести до мамы всю сложность ситуации. «Он научится, — уверенно ответила мама, — а другие дети научатся принимать его таким, какой он есть. Я верю в него, и я верю в доброту людей».

Первые месяцы были непростыми, полными недопонимания и неловких моментов. Я часто терялся в шуме и суете, мои реакции могли казаться странными, а мои попытки общаться — неуклюжими. Были дети, которые смотрели на меня с любопытством, другие — с опаской, а некоторые — откровенно насмехались. Но мама была рядом, поддерживая меня, объясняя мои особенности учителям и одноклассникам, и, что самое главное, веря в мою способность найти своё место. Она учила меня справляться с сенсорными перегрузками, находить способы выражать свои мысли и чувства, даже когда слова подводили. Она разговаривала с другими

родителями, рассказывая о том, что аутизм — это не приговор, а просто другой способ восприятия мира.

По учёбе я шёл даже лучше многих. Учителя не раз удивлялись, как быстро я всё схватываю. Особенно мне давалась математика. Но, несмотря на это, я чувствовал себя отчуждённым, изгоем, если хотите. С годами осознание собственной отчуждённости только росло. Я смотрел на окружающий мир — на яркие вывески, громкие призывы и обещания красивой жизни — и не находил в этом ничего своего. Любые попытки приспособиться, вписаться в рамки общепринятых норм встречали внутренний бунт. Казалось, что весь мир движется в одном направлении, а я — против течения, уносясь всё дальше в воды сомнений и неопределённости, где одиночество подстерегает на каждом шагу.

Я перестал цепляться за пустые надежды и лезть туда, где меня не ждали и не хотели видеть. И вдруг мне показалось: вот оно, впервые я действительно что-то почувствовал. Раньше такого со мной не было. Честно, я был обычным человеком, ничего особенного. Просто в голове всплыла одна мысль, и она не давала покоя. Смешно, но из-за неё я и оказался здесь, в этом странном мире. Мысль простая, немного дерзкая: если я живу в тени этого безумного мира, если мои мечты и желания не совпадают с их планами, зачем вообще стараться и пытаться играть по чужим правилам? Моя сила именно в этом сокрытии, в умении наблюдать и не участвовать, чувствовать и не говорить. Я могу стать тихим наблюдателем, художником, для которого мир служит мимолётным кадром, или писателем, чьё перо черпает из глубин моего внутреннего отчуждения.

Я осознал, что мой путь — не гладкий асфальтированный проспект, где спешит многоликая толпа. Скорее, это мерцающий блуждающий огонёк, пронизывающий тьму, тропа, ведущая туда, где, казалось бы, ничего быть не может. Я больше не боюсь одиночества. Именно в тишине я слышу свой настоящий голос, не заглушённый чужими требованиями. Теперь я ценю те мгновения, когда мир замирает, даруя возможность услышать шепот ветра, ритмичный стук собственного сердца, тихий сокровенный диалог с самим собой.

Каждое утро мама заботливо собирала меня в школу: в портфель клала бутерброд с сыром и колбасой, а в термос — мой любимый какао. Воодушевлённый, я направлялся к дверям школы. Войдя в класс, я немедленно занимал своё место за первой партой у окна. Это стало моей личной территорией. Ещё в первый день, когда учительница привела меня сюда, она усадила меня именно здесь.

С тех пор я всегда сидел здесь, словно в своём замкнутом мире, тогда как одноклассники словно обходили меня стороной.

Порой я ощущал себя изгоем, но время преобразило эту боль в понимание: я не просто отрезанный остров, а целый океан. Всё находит отклик в моей душе, словно эхо. Я понял одну простую вещь: прочные отношения между людьми не возникают из-за громких слов или конфликтов. Напротив, они существуют там, где есть способность людей понимать друг друга без лишних слов. И важно уметь ощущать темп жизни, даже если твоё поведение и характер отличаются от стандартов других людей.

Когда начинался урок, я вытаскивал учебник и открывал тетрадь, внимательно слушая учителя. В отличие от других, я полностью погружался в учёбу и не отвлекался на внешние раздражители. В математике я мог решать сложные задачи, но мне было сложно описать ход решения. Хотя ответ всегда был правильным, это удивляло многих. Я мог в уме решать сложные задачи, но написать решение на доске было для меня невозможным. Учителя шли мне навстречу.

Одноклассники и преподаватели постепенно привыкли к моему одиночеству. Но после школы они подбегали ко мне, дразнились и строили гримасы. В ответ на мои крики они толкали

меня и убегали. Я постепенно привык к этой роли изгоя. В этой новой роли я стал как бы необычным зеркалом. Не тем, в котором можно увидеть себя, а тем, что собирает. Я собирал настроения, слушал истории, чувствовал то, что между строк, как лёгкий прохладный ветерок, который пробежал мимо. Мой дар «быть невидимкой» стал моим проклятием и одновременно возможностью. Я мог слышать, не осуждая. Мог видеть боль и радость, при этом осознавая, что нет необходимости вмешиваться.

Я начал видеть внутренний мир людей, их скрытые страхи, тревоги.

С годами осознание собственной отчуждённости только росло. Я смотрел на мир ярких витрин, громких лозунгов и обещаний счастья, понимая, что не смогу быть частью этой фальши. Любые попытки приспособиться, вписаться в рамки общепринятых норм встречали внутренний бунт. Казалось, что весь мир движется в одну сторону, а я — в другую, всё дальше от сомнений и неопределённости, к одиночеству.

В том и заключался парадокс: когда мне казалось, что впереди стена и нет надежды, я осознал, что именно отчаяние и есть мой спасительный круг. Чувствуя свою ничтожность перед великим законом жизни, где все мои потуги не приведут к результату, это осознание освободило меня. Я перестал цепляться за иллюзии и стремиться туда, где меня не ждут. И вот в этой отрешённости возникла мысль, которая привела меня сюда.

Эта мысль была проста и одновременно настолько радикальна, насколько это вообще возможно. Моя сила именно в этом сокрытии, в умении наблюдать и не участвовать, чувствовать и не говорить. Я могу стать тихим наблюдателем, художником, для которого мир служит мимолётным кадром, или писателем, чьё перо черпает из глубин моего внутреннего отчуждения.

Я стал ценить те моменты, когда мир вокруг замирал, позволяя мне услышать шелест ветра, стук собственного сердца, тихий диалог с самим собой.

Эта новая перспектива изменила всё. Я увидел красоту в том, что ранее казалось мне обыденным: в трещине на асфальте, в тени, отбрасываемой зданием, в случайном взгляде незнакомца. Я научился черпать силы не из внешнего мира, а из своего внутреннего — мира своих мыслей и чувств. Это новое понимание, чувство свободы от штампов и ожиданий привело меня сюда, к вам. Я пришёл не за одобрением или в поисках места в вашем мире. Я пришёл поделиться своими идеями, которые зародились во мне через «невидимость», чтобы рассказать людям свою версию жизни.

В итоге я всё-таки добился изначальной цели — научился принимать и любить свою невидимость. Но в процессе осознал более широкий и глубокий смысл. Я понял, что настоящий дар — это способность слышать пульс мира. В этой новой роли я стал своего рода необычным зеркалом. Не тем, в котором можно увидеть себя, а тем, что собирает. Я собирал настроения, слушал истории, чувствовал то, что между строк, как лёгкий прохладный ветерок, который пробежал мимо.

Лучший мир, о котором я здесь говорю, — это не тот, за которым я пришёл: я лишь посланец. Того мира, что выше нашего. Мира, в котором успех достигается не силой, а нежностью. Где мудрость — это не знание, а умение слышать. Тишина постоянно рождает во мне не ответ, а вопрос. Кто-то в ней находит отражение своей души, а кто-то — знание, позволяющее понять незнакомый ему мир.

Я надеюсь, что моё присутствие, моя история смогут осветить красоту внутреннего мира, мощь уединения, драгоценность самоосознания. Может быть, моя «странность» станет чем-то вроде связующего звена между вашим миром и моим — миром, где странность и непохожесть приобретают свою особенную, неповторимую яркость.

Вы спрашиваете, действительно ли я страдаю синдромом Аспергера? Не сомневайтесь, просто я уникальный, особенный. Помните, что сказала моя мама? Постепенно я начал адапти-

роваться к другим, вести себя как другие, и стал меньше выделяться из окружающей среды. Это не было сознательным решением в один момент, скорее, долгий мучительный процесс проб и ошибок. Я наблюдал, анализировал, пытался имитировать. Я наблюдал за другими людьми, изучал особенности их речи и реакцию на события, пытался воспроизвести их модели поведения. Это было похоже на игру в «угадайку», где каждая ошибка могла вызвать непонимание, но желание быть принятым, быть «нормальным» гнало меня вперёд.

Мой врач, опытный специалист, всегда отмечал мою способность к трансформации. Он видел, как я, человек с аутизмом, шаг за шагом учился строить мосты к обществу. Это требовало колоссальных усилий, постоянного самоконтроля и внутренней работы. Я учился читать между строк, улавливать сарказм, понимать намёки. И каждый маленький успех, каждая успешно проведённая беседа становились для меня огромной победой.

Я осознаю, какой трудный путь пришлось пройти. Иногда казалось, что отчаяние почти сломило меня: мне никогда не понять этот мир, полный скрытых смыслов и недомолвок, я никогда не смогу его принять. Но я не сдался. Я помнил: моя неповторимость — не изъян, а отличное качество. И, освоив её, я смогу обогатить мир чем-то уникальным, чего нет у других. Синдром Аспергера перестал быть проклятием, а стал частью моей личности. Я научился ценить это.

Сегодня, взглянув на себя, я вижу не того, кто просто «приспособился» к обществу. Я вижу личность, преодолевшую массу трудностей, чтобы найти свою нишу. Я научился использовать свои преимущества и нивелировать недостатки. Главное — я понял, что «быть другим» отнюдь не означает «быть хуже». Это значит видеть происходящее со стороны, осознавая ценность разнообразия, где каждый человек играет свою роль в этом сложном, но прекрасном мире.

В то же время я замечал всю нелепость их существования. Они неустанно куда-то стремились, вечно чем-то были заняты. Я помню, как другие дети резвились, а я стоял поодаль, наблюдая с лёгким недоумением и интересом. Почему такой стиль поведения? Что ими движет? Вероятно, именно тогда начали закладываться основы моего будущего взгляда на мир.

Мне часто говорили, что я слишком много думаю. «Отойди от книжек, взлетай с земли!» — пытались меня расшевелить. Но сможет ли человек перестать думать, если вокруг столько всего необычного и загадочного? Мне хотелось понять это и вообще объяснить себе, что это такое — думать. И я пытался найти в книгах и в музыке то сокровенное, что не находил в людях. Я научился читать между строк, научился понимать, чувствовать скрытые мотивы. Чем больше я понимал, тем дальше, казалось, от других людей, тем ближе к этим основным истинам. Какая буря в моей душе! Одна моя радость, одно моё несчастье...

И вот так, лавируя между стремлением адаптироваться и сохранением своей «чужеродности», меня охватило желание найти людей, похожих на меня. Но с каждым годом я понимал, что люди не очень открыты в своих сомнениях, не стремятся искать ответы на сложные вопросы жизни и смерти. Многие просто живут, принимая этот мир таким, каков он есть. И меня осенило: я предназначен быть «мостом» между миром очевидности и неопределённости.

В школьные годы я до изнеможения читал книги, чтобы понять этот чужой для меня мир. С этими книгами, как ни странно, у меня и началась дружба. Они учили меня тому, чему живые люди, которые, впрочем, были рядом, не могли меня научить. Книги учили меня тишине, не бояться своих мыслей, даже если они шли вразрез с мнением большинства. Я смотрел, как они, мои друзья из книг, отражают меня, мою сущность. Они вселяли в меня веру, что я не один в этом отчуждённом мире. И для этого мне даже не нужно было есть, часами просиживая в библиотеках, пылясь вместе с этими древними томами, словно в других мирах, где мои мысли находили отклик, а мои сомнения — оправдание.

Постепенно я начал экспериментировать, но не с внешним миром, а с самим собой. Я стал изучать свои реакции, свои страхи, свои желания. Оказывается, многие мои недостатки, в

которых я себя винил, были лишь следствием моего боязливого срастания с миром, который, как мне казалось, был чужд мне. Я стал освобождаться от этих внутренних врагов, как от негодной одежды, которая уже не подходит мне по размеру. И это освобождение оказалось для меня не сладким, а скорее похожим на разрыв с привычной, ограничивающей колыбелью, с которой я был неразрывно связан.

Именно в этот период, полный одиночества, когда я ощущал себя чужим в собственном мире, я начал понимать, что исправление, о котором, как мне казалось, думали родители, было ошибкой. Я не был сломан, я просто был другим. И это осознание стало тем местом, из которого росла моя философия, моё понимание жизни. Я понял, что часто правда находится именно там, куда большинство людей побаивается заглядывать. И это уже не было проявлением гордыни с моей стороны, а, скорее, неизбежным погружением в те сферы, где я всё больше ощущал себя живым, всё больше — собой.

Закончив школу, я пошел учиться в университет. И, наверное, вы уже догадались, что это было желание моей матери. Она видела во мне своего продолжателя, воплоителя своих замыслов, реализатора ее идей.

Университет, казалось, должен был стать для меня новым этапом, новой площадкой для «успеха». Но, как и все предыдущие разы, ожидания не оправдались. Вместо того чтобы найти там друзей или наставников, я снова почувствовал себя одиноким. Преподаватели, в большинстве своем, казались циниками, уставшими от своих лекций, а студенты — амбициозными карьеристами, для которых учеба была всего лишь ступенькой на пути к богатству. Я пытался найти какой-то смысл в предметах, в дискуссиях, но всё казалось мне натянутым, фальшивым.

В природе человек — единственное существо, которое творит зло, зная, что это зло. Ради прихоти или извращенного удовольствия. Сколько веков мы пишем об этом книги, осуждая эту темную человеческую натуру, но всё равно не можем остановиться. Возвращаемся к этому яду, который нас травит и одновременно притягивает. Посмотрите на историю, на войны, на разрушения. Это не просто борьба за ресурсы или власть. Это демонстрация того, как далеко может завести человека его внутренняя пустота, его неутолимая жажда чего-то, что ему недостает.

Мы строим величественные соборы и рядом с ними — тюрьмы. Мы изобретаем лекарства от болезней и одновременно создаем оружие, способное уничтожить всё живое. И даже в повседневной жизни — сколько мелочной жестокости, сколько зависти, сколько лжи. Мы часто не замечаем ее, принимая как данность, как нечто неизбежное. А ведь именно из этих незаметных трещин и складывается страсть человеческой души.

Однажды, будучи студентом, я искал одну книгу и набрел на книжную лавку. Это было не просто место, а настоящий лабиринт из старых фолиантов, тихих шорохов и запаха времени. Прилавок, заваленный пожелтевшими страницами, больше напоминал столицу книжного царства, где правили забытые истории.

Продавец, пожилой мужчина с мудрым и немного печальным взглядом, чувствовал себя здесь как дома. Его испачканные чернилами пальцы нежно поглаживали корешки книг. Я бродил между стеллажами, чувствуя дыхание прошлого. Каждая книга была порталом в другую эпоху, свидетельницей событий, что стали историей. Встречались забытые поэты, слышался шепот революций, я прикасался к мыслям великих умов. Стены этой лавки хранят больше тайн, чем любая библиотека мира. Здесь время текло медленнее, подчиняясь ритму перелистываемых страниц.

Взгляд зацепился за скромный том в простом переплете, затерявшийся среди внушительных изданий. Он манил меня, обещая что-то особенное. Я взял его в руки, и по коже побежали мурашки. Именно это я искал, хотя до этого момента даже не подозревал о его существовании.

Книга сплетала реальность с вымыслом, и я знал: она станет моим проводником в мир, который мне предстояло открыть.

Продавец, заметив мой интерес, лишь улыбнулся уголком рта. «Эта книга выбрала тебя», — прошептал он, и в его голосе звучала своя, особая магия.

Я расплатился и ощутил: покупаю не просто книгу, а ценный артефакт, ключ от неизведанных дверей. Выйдя из лавки, я нес в руках не только бумагу и чернила, но и целый мир, который ждал раскрытия. Я присел на скамейку в парке и открыл первую страницу. Слова зачаровали меня. В книге говорилось о красоте человеческой души.

Строки пульсировали сильным, чистым чувством. Казалось, оно проливается на брусчатку парка, омывая уставшие деревья и спешащих прохожих. Я читал о самоотверженности, безграничной любви, тихих подвигах, совершаемых каждый день незаметно. Это была не просто история, а зеркало. В нем отражалось всё лучшее в людях, то, что мы забываем в суете.

История вела меня извилистыми тропами человеческих судеб. Иногда печальными, но всегда, даже в самые темные моменты, светлыми. Каждый персонаж, прописанный с тонкой психологической точностью, казался живым, дышащим, со своими мечтами и страхами. Я чувствовал их боль, радость, несломленную надежду. С каждым перевернутым листом мое сердце наполнялось чем-то новым, неведомым, но удивительно знакомым.

Книга говорила: истинная красота не в обложке, а в содержании, в способности сопереживать, прощать и верить. Она раскрывала передо мной сложный, но притягательный мир человеческих взаимоотношений. В нем добро и зло сплетены воедино, каждый поступок влечет за собой последствия, каждое слово имеет вес. Я видел: простые, казалось бы, люди совершают великие дела по велению совести; маленькие искорки доброты разжигают пламя. Когда сумерки окутали парк, я закрыл книгу, но ее слова продолжали звучать во мне. Я чувствовал, как изменился, как стал чуть лучше, чуть мудрее.

Эта книга, найденная случайно в пыльном лабиринте времени, стала не просто источником знаний, а откровением, напоминанием о бесценности человеческой души и о той незримой силе, что помогает нам преодолевать любые невзгоды и стремиться к свету.

Меня очень заинтересовал автор этой книги. Но, к удивлению, ни на обложке, ни внутри книги автор не указывался. Я решил спросить у продавца и быстро побежал обратно к книжной лавке.

Когда я подбежал к лавке, он уже закрывал дверь. Я подошел к нему и с ходу выпалил свой вопрос: «Извините! Не могли бы вы сказать, кто автор этой книги?». Он улыбнулся и произнес: «Я ждал тебя. Думал, ты уже не придешь. Позволь угостить тебя чаем и рассказать историю профессора Айрона Морса». Он открыл дверь и пригласил меня войти. Мы зашли внутрь. Он жестом пригласил меня сесть за маленький столик, освещенный тусклой лампой, на котором стоял самовар, тонкие струйки пара поднимались к потолку. Мы сели, и он, наливая ароматный чай в старинные, потемневшие от времени чашки, начал свой рассказ.

«Профессор Айрон Морс был человеком необычайным, — начал старик, и голос его зазвучал мягко, точно шелест старых страниц. — Широкая публика о нём не знала, научных статей в модных журналах он не печатал. Его мир — вот эти книги, тишина и запах времени. Он считал: настоящее знание идёт не от цифр и формул, а прорастает из глубины сердца».

Помешивая чай, старик продолжал. Он написал множество историй, но никогда не хотел их издавать. Писал для себя, для тех, кто, по его мнению, был достоин прикоснуться к его мыслям. Каждая книга, каждое слово — семя, брошенное в душу. И только когда оно прорастает, находит отклик, тогда обретает ценность. «Эта книга, — он усмехнулся, взглянув на меня, — одно из таких семян».

«Он утверждал: автор — всего лишь проводник. Помогает подобрать нужные слова для того, что уже живёт в сердцах. Свою фамилию на обложке он не ставил, верил, что настоящий

автор — тот, кто читает. Тот, кто находит в книге что-то своё, кто позволяет ей изменить себя, — вот хозяин этих слов».

«Теперь ты понимаешь, — закончил старик, — почему книга выбрала именно тебя. Ей нужен был не просто читатель, а тот, кто услышит её голос, кто откроет в ней собственную историю. Автор — тень, книга — свет, который освещает путь. И ты, мой юный друг, тот, кому этот свет предназначен».

«А как вы с ним познакомились? — спросил я, поёрзав на стуле».

«Эта история случилась давно, когда я был таким же молодым студентом, как ты», — промолвил он, медленно и с наслаждением разливая чай. Потом сел напротив, отхлебнул горячего чая и начал свой рассказ.

В те годы я был полон надежд и устремлений. Родители у меня были не бедными и хотели видеть меня образованным. Поступив в медицинский колледж, я увлекся очень перспективным направлением — генетикой. Индивидуальный подход к диагностике и лечению, связанный с генетическими особенностями пациента, меня захватил. Я искал книги по этой теме, но в библиотеке подходящей литературы не нашлось. Тогда один товарищ посоветовал обратиться к профессору Морсу.

В обществе тогда царил хаос. Старые устои рушились, уступая место новым идеям авторитаризма и тотального контроля. Молодой и идеалистичный, я верил, что смогу повлиять на ход истории, внести свой вклад в лучшее будущее. Дни проходили в жарких спорах с друзьями, чтении запрещенных книг и мечтах о свободе.

Но постепенно иллюзии рассеивались. Я видел, как подавляют свободу, как страх и недоверие проникают в самые глубины человеческих отношений. Пропаганда становилась всепроникающей, затуманивая умы и заглушая голоса разума. Казалось, каждый шаг вперед оборачивался скачком назад, к еще большему угнетению.

Мои устремления никуда не делись, но приобрели горько-ироничный оттенок. Надежда сменилась тихим отчаянием, вера в лучшее — пониманием хрупкости человеческих идеалов. Я наблюдал, как формируется новый порядок, где индивидуальность становится преступлением. Слова теряли истинный смысл, а поступки оценивались по их соответствию жестокой идеологии.

И все же, даже в самые темные времена, где-то в глубине души теплилась маленькая искра. Искра непокорности, вера в то, что даже самые прочные стены рано или поздно рухнут. Я продолжал верить, что истина найдет свой путь, пробиваясь сквозь стену невежества. Мои устремления претерпели трансформацию, став тихим, но упорным сопротивлением.

Держа книги за пазухой, я набрел на тихое кафе на окраине города. Войдя, я обнаружил небольшое количество посетителей. В освещенном зале кафе в основном сидели такие же студенты, как я. Но в отдаленном углу я увидел низкого, невзрачного старика в очках и старом костюме, который что-то читал и, казалось, не замечал никого и ничего. Вокруг него время будто остановилось, он был полностью поглощен процессом. Его фигура была настолько погружена в чтение, что казалось, он сам стал частью этой тишины. На столе лежали старые книги, которые составляли красивую картину с мерцающим пламенем в огромном камине.

Меня, молодого человека, жаждущего знаний и новых встреч, необъяснимо потянуло к нему. Я подошел, робко спросил, могу ли подсесть. Он поднял глаза, и в них мелькнул огонек, словно он узнал во мне кого-то давно забытого. «Присаживайся, юноша», — тихим голосом произнес он. «Чем могу помочь?» — пробормотал он, снова опустив глаза в книгу.

«Понимаете, мне нужна литература по генетике. Особенно то, что связано с индивидуальными генетическими особенностями человека».

«Ну, молодой человек, в наше время затрагивать эту тему очень опасно. Вы видите, что происходит вокруг. Генетика запрещена, и особенно индивидуальный подход в медицине. Вы родились не в ту эпоху, может быть, в далеком будущем, веке эдак двадцать первом, появятся исследования на эту тему. А сейчас личность и особенно индивидуальность под запретом. В этом одномерном обществе нет свободы мнения и возможности изучать новые подходы в медицине».

Его слова и неторопливая, спокойная речь словно околдовали меня. Мы разговорились. Он рассказывал о своих путешествиях, но не по далеким странам, а по лабиринтам человеческой мысли, по вечным истинам, которые, как он верил, живут в каждом из нас.

Он показал мне несколько своих рукописей, те самые, которые не попадали в печать. Это были не просто тексты, а скорее диалоги с самим собой. Я был поражен его способностью видеть красоту там, где другие видели лишь обыденность, его умением находить смысл в самых простых вещах.

С тех пор я каждый день возвращался в это кафе, чтобы вновь погрузиться в беседы с ним. Этот старик был настоящим кладом мудрости, казалось, он знал если не всё, то очень многое. Его феноменальная память и мысли поражали до глубины души. Ежедневно он занимал своё привычное место, словно неотъемлемая часть этого заведения, его живое воплощение. Часто к нему тянулись студенты, профессора и библиофилы, обращаясь к нему как к живому каталогу информации. Они расспрашивали о редких изданиях или искали ответы на вопросы, ускользающие от книжной науки и университетских стен.

Его знали все, кто хоть немного касался мира интеллектуальных поисков в нашем городе. Профессор Морс, как его по праву называли, был не просто хранителем знаний, но и их живым воплощением. Несмотря на возраст и скромный внешний вид, каждый его ответ, каждое слово были наполнены такой уверенностью и глубиной, что невольно заставляли верить в его правоту. В его глазах, за стеклами старых очков, отражалась целая вселенная, собранная из бесчисленных прочитанных книг и прожитых лет.

Иногда, когда кафе почти пустело, он приглашал меня за свой столик. Мы подолгу говорили обо всем на свете: о прошлом, настоящем и будущем, о звездах и человеческой душе, о неразгаданных тайнах бытия. Он умел так просто и доступно объяснять самые сложные вещи, что они становились понятны даже мне, молодому и неопытному. Слова профессора Морса стали моими внутренними ориентирами, помогающими мне обрести свой собственный путь, свою истинную сущность.

В дни, когда я не мог прийти в кафе, я скучал, словно потерял нечто очень важное. Но я знал, что могу вернуться, и он будет там, как всегда, погружённый в свои мысли, готовый поделиться мудростью с тем, кто ищет. Этот тихий старик в старом костюме стал для меня символом всего того, к чему я стремился: к знаниям, к пониманию, к истине, которая, как он говорил, скрыта не в книгах, а внутри нас самих.

Однажды я, как обычно, пришёл в кафе и увидел, что рядом с профессором стоят двое в штатском. Один — высокий, с орлиным носом и длинными руками, а второй — пониже, с широкой спиной и круглой головой. Их строгие, непроницаемые лица выдавали в них сотрудников отдела по борьбе с инакомыслием — тех, кто зорко следил за вольнодумцами, готовясь при случае применить и норму закона, и, если потребуется, репрессивную меру.

«Это вы, профессор Айрон Морс?» — спросил тот, что повыше, строгим голосом. Профессор, казалось, не замечал их, погружённый в чтение, пальцами перебирая страницы книги.

«А ну-ка, болван, отвечай!» — крикнул другой.

«Это вы написали статью о свободе и авторитаризме?» — относительно спокойным голосом спросил высокий.

Старик медленно поднял глаза. Его взгляд, обычно мягкий и задумчивый, теперь был полон спокойной уверенности. Он не ответил сразу, лишь обвёл незваных гостей взглядом, его губы тронула едва заметная улыбка.

«Статья о свободе мысли?» — наконец произнёс он, его голос звучал ровно, без тени страха. «Свобода мысли — это дар, а не преступление. Она есть основа всякого прогресса, зерно, из которого произрастает знание. Без неё человечество обречено на стагнацию, на топтание на месте, пожирая само себя в рамках невежества».

Более высокий из мужчин сдвинул брови. «Профессор, вы понимаете, что ваши слова могут быть истолкованы неверно? Мы здесь, чтобы обеспечить порядок и безопасность, чтобы предотвратить распространение идей, которые могут подорвать устои общества».

«И что же это за устои, которые боятся даже тени сомнения?» — парировал профессор, его голос стал чуть громче, но всё так же оставался спокойным. «Разве общество, гордящееся своей силой, станет бояться диалога? Оно боится лишь тех, кто не способен отличить истину от лжи, кто прячется за стенами запретов, боясь столкнуться с реальностью».

Один из штатских сделал шаг вперёд, его рука легла на рукоять оружия, скрытого под пиджаком. «Ваша свобода заканчивается там, где начинается угроза общественной стабильности, профессор. И мы — те, кто стоит на страже этой границы».

«Граница, говорите?» — профессор медленно встал, и его взгляд, полный мудрой печали, остановился на человеке, чья рука лежала на оружии. «Но кто устанавливает эту границу? Не те ли, кто сам боится собственной тени, кто жаждет сохранить власть, подавляя всякое инакомыслие? Ваша „безопасность“ — это клетка, построенная из страха, а „порядок“ — это униформа, скрывающая пустоту».

Он сделал шаг к окну, за которым простирался город, утопающий в предвечернем сумраке. «Позвольте мне рассказать вам о городе, который я вижу. Это город, где каждый камень дышит историей, где каждая улица помнит великие умы и смелые сердца. Это город, который всегда стремился вперёд благодаря тем, кто не боялся думать иначе, кто осмеливался задавать вопросы, даже когда они были неудобны».

«Именно эти вопросы, — продолжил он, обернувшись, — были тем компасом, что вёл нас сквозь тьму невежества. Именно свобода мысли позволила нам создать то, что вы так старательно пытаетесь сохранить, — процветающее общество, построенное на разуме, а не на догмах. Но вы, господа, кажется, готовы разрушить этот хрупкий мир ради иллюзии контроля».

«Я не боюсь ваших угроз, — сказал профессор, его голос вновь обрёл прежнюю мягкость, но теперь в нём звучала стальная решимость. — Я боюсь будущего, где мысль будет приравнена к преступлению, где любопытство будет истреблено, а прогресс остановится, застыв в вечной скорби. И если сегодня моя „статья о свободе мысли“ — это моё преступление, то я готов принять это наказание».

Двое мужчин переглянулись, в их глазах промелькнуло смятение. Спокойствие профессора, его неоспоримая правота, казалось, подтачивали их уверенность, их решительный настрой. Воздух в комнате сгустился, наполненный невысказанным напряжением, предчувствием неизбежного столкновения.

Профессор сделал ещё один шаг, его карие глаза, казалось, проникали в самые глубины их совести. «Ваше стремление к жёсткому контролю, прикрытое пеленой заботы о благе, на самом деле есть воплощение страха. Страх перед переменами, страха перед неведомым, страха перед самим собой».

Он указал на стопку бумаг на столе. «Эта „статья“, как вы её называете, — это росток надежды. Надежды на то, что люди не забудут, кто они есть на самом деле, — существа, движимые любопытством, жаждущие познания. Вы можете попытаться её сжечь, вы можете попытаться стереть её из памяти, но идеи, подобные этой, обладают своей собственной жизнью. Они

прорастают в умах, распространяются, как семена, подхваченные ветром перемен, и в итоге возрастают в нечто, чему вы уже не сможете помешать».

Один из мужчин, тот, что был ближе к двери, нервно сглотнул. Его рука, всё ещё лежавшая на рукояти пистолета, чуть дрогнула. «Но... это же угроза существующему порядку вещей», — пробормотал он, его голос казался неуверенным. Профессор лишь покачал головой, в его взгляде не было злорадства, лишь глубокое понимание человеческой природы.

«Порядок, который строится на подавлении, — это не порядок, а тирания, — возразил он мягко. — И как всякая тирания, он обречён. История знает множество примеров. Города, что возвышались на костях свободы, рушились. Империи, что держались на страхе, рассыпались в прах. Истина же, какой бы неудобной она ни была, всегда найдёт свой путь».

Напряжение в комнате стало почти осязаемым. Профессор, казалось, достиг своей цели. Он пробудил сомнение, посеял зерно разлада в стройные ряды тех, кто привык действовать по указке. Перед ними стоял человек, чья сила заключалась не в оружии, а в силе его убеждений. И эта сила, как оказалось, была способна двигать горы или, по крайней мере, подтачивать уверенность тех, кто считал себя непоколебимым.

«Заткнись, собака!» — рявкнул другой, и пощечина сбила старика с ног. Он рухнул на пол, и очки, эти очки — его проводники в мир истины — разлетелись вдребезги. Я побежал и помог ему подняться.

Внезапно к входу подъехала машина. Тот, что был выше, взял профессора под руку и произнес: «Вы уж извините моего товарища. Но вам придется поехать с нами».

Профессор, собрав остатки своего достоинства, выпрямился. Стекланные осколки его очков, подобно слезам, блестели на полу. Он не проронил ни звука, лишь брезгливо вытер уголок губ и медленно поднялся, опираясь на мою руку. Его взгляд, теперь лишенный привычного блеска, был полон той глубокой печали, что рождается от осознания несовершенства мира. Но в ней была и та неукротимая сила, которая отличает истинного борца за идеи от тех, кто лишь исполняет приказы.

«Значит, так вы доказываете свою правоту, господи?» — прошептал он, его голос был хриплым, но в нем звучала сталь. «Физическая сила — вот последнее прибежище тех, у кого иссякли аргументы. Ваш страх перед мыслью оказался так велик, что вы прибегли к насилию, чтобы заглушить её голос». Он взглянул на меня, и в его глазах мелькнула слабая улыбка. «Твоя помощь, юноша, бесценна. Она доказывает, что даже в самые темные времена есть те, кто готов протянуть руку другому».

Высокий, одетый в строгий костюм, прошел к машине, открыл дверцу. «Профессор, мы не желали вас оскорбить. Просто... такова наша работа. Исполнять долг. И в данном случае ваш долг — поехать с нами. Это распоряжение». Он говорил ровно, почти буднично, словно речь шла о формальности, а не о похищении человека, чья единственная «вина» — наличие собственных мыслей.

Я смотрел на профессора, на его измятый пиджак, на растрепанные волосы, на следы обиды, затаившейся в глубине его глаз. И тогда во мне что-то щелкнуло. Я почувствовал, как нарастает гнев, вытесняя страх. Я знал, что это опасно, но не мог поступить иначе. «Куда вы его везете?» — спросил я, мой голос дрожал от негодования. «Вы не имеете права!»

Тот, что ударил профессора, оскалился. «А ты, щенок, заткнись. Или хочешь присоединиться к старику?» Их слова были наполнены угрозой, но в их глазах я видел не только уверенность, но и тень сомнения, посеянную профессором. Они погрузили его в машину, и с тех пор я его не видел.

Букинист сидел, скрестив руки перед собой, опустив взгляд на стол, пряча их от меня, не желая показать накатившиеся слезы. Я встал и, попрощавшись, вышел. Всю дорогу домой я

размышлял о произошедшем: «Почему он мне рассказал эту историю? И что я должен был из нее почерпнуть?» Эти вопросы не давали мне покоя. Город вечерним этюдом навевал грусть и меланхолию. Почему человек старается жить для других? Неужели из-за страха быть отвергнутым, стать изгоем, одиноким степным волком?

Вы читали Ж. П. Сартра? Нет, многое потеряли. А всё-таки читали. Ну так вот, в одной его книге есть очень интересная цитата: «Люди читают торопливо и неумело, а судят раньше, чем понимают».

Этот тезис из книги заставил меня написать эссе, своего рода комментарий к данному тезису. «Почему мы спешим делать выводы, основанные лишь на предположениях? Читая книгу или наблюдая за другими людьми, мы, не задумываясь, начинаем критиковать тексты, если они не соответствуют нашим убеждениям. Мы неумело высказываемся относительно смысла текста. Людям не хочется глубже понимать; поверхностность — наша спутница. Мы всё время спешим, стремимся кому-то что-то доказать, и в первую очередь — себе. Боимся куда-то опоздать, не хотим останавливаться. А вдруг кто-то успеет, а я нет? Проявляем предвзятость к успехам других. Судим людей, но не себя. Мы не пытаемся понять других. Зачем? Пусть они нас понимают, а мы не обязаны».

В этом эгоцентричном обществе мы считаем себя вправе быть судьями, не осознавая, что у нас нет такого права. Право — это вторая сторона обязанности. И мы обязаны сначала понять, выявить смысл, а уж потом отстаивать право на критику. Только через понимание мы можем в какой-то мере критиковать. Но кто из нас хочет понимать? Легче навешивать ярлыки, создавать устоявшиеся образы. Вот кто-то написал книгу, но слова там не подходят под наши устоявшиеся взгляды, и начинается суд: «Как он посмел такое написать или сказать?» А что он имел в виду, никому не интересно. Мы не хотим понять, только критиковать. Так легче удержаться на хрупкой почве собственных убеждений, при этом глубоко внутри осознавая несостоятельность этих идей».

Что с вами? Вы как-то поникли, это на вас моя история так подействовала? Вы извините меня, я понимаю всё, что я здесь вам рассказываю: с одной стороны, личное, и это может сбить с толку. А с другой стороны, слишком тяжелый груз я взваливаю на вас.

Хотите еще кофе? Он успокаивает. Этот напиток меня бодрит и одновременно успокаивает. Я, конечно, понимаю, что это лишь моё собственное ощущение, и кофе здесь ни при чём, но как мы любим переносить собственные ощущения на предметы и объекты, которые нас окружают. Ну ладно, не будем об этом. Есть мысли или идеи, которые под силу не всем. Часто со мной такое происходит: собеседник устает от моих мыслей. Ха-ха...

Вот вы и улыбаетесь, это хороший признак — ещё раз хочу извиниться, но исповедь на этом не завершилась. Что? А вам интересно всё-таки. Ну ладно, я продолжу.

Ещё студентом я часто замечал такой парадокс. Все сокровенные стремления, дарованные нам природой, неразрывно связаны с тернистым путём преодоления. И главные преграды возникают не извне — они рождаются в самой глубине человеческой души, заложенные там ещё до первых сознательных шагов. Кто-то возразит, что эти установки — лишь эхо воспитания, отпечаток социума на податливой личности. Но есть два рода оков: те, что выкованы обществом в горниле культуры, и те, что сотканы самой природой существа.

Страх, потребность в защите, изматывающая тревога — это тени бессознательного, исподволь направляющие наши решения, выстраивающие иерархию жизненных приоритетов. Человек — парадокс, и это противоречие мы носим в себе, словно проклятие, в каждом нашем движении во внешний мир. Мы жаждем цели, алчем счастья — но оно подобно миражу, маячащему вдаль, ускользающему в лабиринте ненасытных желаний. Мы ищем смысл, но находим лишь отголоски абсурда в трагикомичной симфонии бытия.

Вы спрашиваете: а как же творчество? Я думаю, это дар и одновременно проклятие. Вы улыбаетесь, значит, понимаете меня. Человек-творец — и разрушитель, он создаёт прекрасное

и в то же время превращает своё творение в придаток своей амбициозной жизни. Вот так и я променял свою жизнь на лавры одобрения и манипуляцию толпы. И меня погубило тщеславие — самое естественное качество человеческой сущности.

После университета я взялся за работу, которая мне не нравилась. Сначала я гордился собой, думал, что теперь у меня всё будет отлично. Но чем дальше я шёл по карьерной лестнице, тем более бессмысленными казались мне мои дни. Встречи, отчеты, соперничество — всё это теряло смысл. Я видел в глазах коллег, которые добились успеха в этой системе, то же самое, что и в своих: усталость и разочарование.

Именно там, посреди этой пёстрой толпы и дешёвого лоска, пришло окончательное признание моей чуждости. Я осознал, что эта суета, где все стремятся себя показать, — ловушка, выбраться из которой смогут немногие. Моё отчаяние перестало быть просто чувством, оно превратилось в понимание. Понимание того, что посланный мне путь — это красивый миф.

Я чувствовал себя словно персонаж чужой пьесы, играющий свою роль, но не понимающий её значения. Каждая новая ступенька успеха приносила лишь краткий миг удовлетворения, быстро сменяющийся опустошением. Я начал видеть структуру этого мира, его правила, кандалы, удерживающие и изматывающие людей.

Мои мечты, которые когда-то горели ярким пламенем, теперь тлели где-то на задворках сознания. Эта мечта, погребённая под слоем рутины и компромиссов, сгорает в стремлении к карьере. И самое страшное, что, добившись в ней всего, чего можно было добиться, я так и не нашёл того, что искал.

В тот момент, когда я думал, что стою на вершине своего профессионального триумфа, я ощутил лишь ледяное дыхание пустоты. Это было осознание того, что я нахожусь не там, где должен быть. И что весь мой пройденный путь бесполезен. А все мои достижения — это лишь хитроумная конструкция, призванная отвлечь меня от моего истинного предназначения.

Я вам ещё не наскучил? Спасибо за ваше терпение и доброту. Но я продолжу, и прошу вас, не бойтесь прервать меня. Если возникнут вопросы, задавайте.

Умело применяя свой интеллект и упорство, я буквально летел по карьерной лестнице. Но чем выше я забирался, тем больше пустоты становилось в моей душе. И даже в такие взлёты у меня словно в сердце попадала горстка песка. Всё больше успехов, похвала от начальства, ещё один шаг — прочь от того, кем я на самом деле хочу быть. Я вижу, как мои коллеги, такие же амбициозные, как и я, пренебрегают семьёй, здоровьем, внутренним спокойствием во имя этих миражей. Они превращаются в маленькие винтики в огромном механизме, теряют себя в погоне за чем-то неопределённым, что называют «успехом». А я всё ещё не могу смириться с потерей себя.

Разрыв между тем, каким я был нужен миру, и тем, кем я был на самом деле, становился всё больше. Я жил на два фронта: днём — успешным и харизматичным руководителем, а вечером — одиноким и подавленным странником в мире собственных мыслей. Мне становились всё дороже книги, это было то место, где я мог найти отклик своим мыслям, где чужие слова звучали так же, как и моя боль. Тем более меня притягивала философия, книги, в которых рассматривалась природа человека, его предназначение во вселенной, смысл жизни. «Тёмные уголки сознания подавляют», как вы это называете, становились для меня чем-то, что следовало поближе изучить, а не тем, чего стоит опасаться.

Прошло несколько лет, наполненных внутренней борьбой. Я научился скрывать отчуждение и презрение к бездушным общественным ритуалам, стал мастером игры. Но игра меня истощала. Я видел, как время утекает, а жизнь проходит мимо, а я всё ещё не нашёл того, что

искал — себя, нрав и тишину между внутренним и внешним. Страх упущенной жизни становился всё более ощутимым.

Именно тогда, во время одного из моих очередных экзистенциальных кризисов, я решил, что больше не могу так дальше. Я увидел, что мой «успех» — это просто шикарная клетка, построенная для меня кем-то другим. Я понял, что счастье не в восхищении других, а в познании и, скорее, в принятии себя со своими «недостатками», которые на самом деле вовсе не недостатки, а уникальные черты. Я понял, что моё счастье в моём искании, а не в том, чтобы быть как все.

Отсюда, собственно, этот взрыв в моей душе, приводящий меня сюда. Я почувствовал в вашем спокойном и столь читаемо-терпеливом взгляде то, чего мне осталось очень мало. Вы как свидетель, ваше присутствие как раз и есть тот маяк, который в моём густом тумане я искал и не находил. Я пришёл не за советом, а за возможностью говорить, собирать свои мысли, наверное, впервые так всерьёз и много, возможно, впервые — совершенно чужой, помогая мне посмотреть на себя со стороны.

Давайте немного прервемся, мне необходим перерыв, да и вам, я думаю, тоже. Слушать другого — это утомительно. Может, перейдем в вагон-ресторан, а то здесь становится душно-вато. Вы киваете — ну и хорошо. А пока мы идем, я хотел бы спросить, чем я вас заинтересовал, что вы так внимательно меня слушаете. Спасибо за то, что называли меня странной и интересной личностью.

Займем вот тот столик у окна. Я люблю пить и смотреть на этот мир через окно. Это два моих любимых занятия. Вы снова улыбаетесь, мне лестно, что я вам интересен.

Закажем кофе, я угощаю. Какой вы предпочитаете? Эспрессо? А я капучино. Ну вот, официант наконец увидел меня. Посмотрите на него, в белой рубашке, молодой человек с натянутой улыбкой на лице. Мне, пожалуйста, капучино, а моему другу — эспрессо. Спасибо. Ну наконец-то мы сделали заказ. Я вас утомил, рассказывая о себе. Нет? Спасибо, вы очень добры. Ну тогда я продолжу.

Знаете, это очень удобно, когда тебя судят и смотрят на тебя со стороны. Они чем-то гордятся. Успехами. Нет, не успехами, а тем, что живы. Как будто это их право — собой гордиться. Как наивна гордыня и как соблазнительна, потому что, как только ты поскользнешься на льду гордыни и разобьешь свое высокомерие, тебе уже не за что будет жить. Нет, я не имею в виду вас. Я говорю о природе человека, а точнее, о человеке, который считает, что он имеет право судить и гордиться этим судом. Везде у других мы ищем что-то, а в себе — только одежду для гордых слов. Так и я: когда-то я был человеком, и этому человеку могли завидовать, и я позволял им. Ах, друзья, которые могут сделать тебе хуже врагов, ведь так они сплетают вокруг тебя сеть обязательств.

Снисходительность — это всего лишь инвертированная жажда одобрения. Мы встаем на судейский подиум не потому, что видим истину, а потому, что боимся оказаться в зрительном зале, где на нас смотрят с тем же холодным прищуром. Оценивая чужую неудачу, мы словно подписываем себе индульгенцию на право существовать дальше, отделяя свое «я» от чужой хрупкости. В этом сладком яде различения мы черпаем силу, забывая, что мера, которой мы мерим других, неизбежно станет мерой и для нас самих.

Дружба, как вы верно заметили, часто превращается в золотую клетку. Те, кто улыбается тебе на свету, первыми начинают рыть тоннель к твоему падению во тьме. Обязательства, скрепленные общим прошлым и якобы добрыми намерениями, тяжелеют с каждым годом, становясь каменными плитами на груди. Ты не можешь упасть, потому что над тобой держат зонтик те, кто ждет, когда же дождь намочит твои парадные одежды, чтобы они могли согреть тебя своим теплом и унижением.

Я вспоминаю того, кем я был. Человека с прямой спиной и выверенными жестами, чья жизнь казалась путеводной звездой для окружающих. Я позволял им любоваться мной, впитывая этот суррогат божественности, пока не понял, что это не я сияю, а полированная поверхность моей гордыни просто отражает их собственные темные желания. За фасадом успеха и зависти не было ничего, кроме пустоты, застеленной дорогими словами и чужими ожиданиями.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.